

Тьма надежно скрывала выражение лица Пэй Чана.

Вокруг стояла мертвая, звенящая тишина.

Пэй Чан долго стоял неподвижно, затем протянул руку к висячему замку — не слишком тяжелому — и легонько коснулся пальцами холодного металла.

В столь укромное место без особого распоряжения никто из прислуги войти не смел.

Спустя мгновение он отпустил замок, и тот с негромким стуком ударился о деревянную дверь.

Система 7008 мысленно прижала лапки к своему крошечному сердцу.

Никаких шорохов, ни единого звука — тишина оставалась незыблемой.

Пэй Чан еще раз окинул взглядом темное полотно двери и повернулся, собираясь спуститься.

Но стоило ему сделать шаг вниз по лестнице, как за спиной раздался отчетливый металлический скрежет. В ночном безмолвии этот звук натянутых цепей прозвучал пугающе резко.

Он замер и мгновенно обернулся.

Во мраке запертая дверь теперь выглядела зловеще.

Прищурившись, Пэй Чан медленно подошел обратно.

Он вновь прижал ладонь к тонкому дереву. На мгновение ему показалось, будто под ладонью бьется чужое живое сердце, запертое в тесной грудной клетке.

Быть может, это была лишь игра воображения, но из-за двери донеслось слабое, прерывистое дыхание.

Пэй Чан резко выдохнул и с силой ударил по двери ногой. Дерево с треском подалось, створка с грохотом отлетела к стене, а сорванный замок уныло повис на развороченной петле.

Оглушительный грохот разорвал темноту. В коридоре этажом ниже вспыхнул сенсорный светильник, выхватив из мрака дверь на чердак. Но следом за шумом вновь воцарилась могильная тишина.

Там, в глубине помещения, спиной к выходу сидел человек. Он медленно повернул голову. Стоявший в полосе света Пэй Чан напрягся, вглядываясь в очертания фигуры.

А система 7008, умиленно заерзав, мысленно запричитала:

«О, мой дорогой малыш...»

Высокий силуэт Пэй Чана почти полностью заслонял свет из коридора. Внутри было темно, и лишь сквозь крошечное, размером с ладонь, оконце под потолком пробивался бледный луч луны.

Но даже этого скудного призрачного свечения хватало, чтобы разглядеть притаившееся в углу существо.

Самого настоящего монстра.

На холодном полу сидел абсолютно нагой, истощенный мужчина. Его мертвенно-бледную кожу покрывала сетка вздувшихся багровых вен, напоминавших жуткие племенные татуировки, выведенные свежей кровью.

Его неестественно длинное, угловатое тело до жути походило на Восьмифутового господина из мрачных городских легенд.

Существо неподвижно уставилось на вошедшего. Густые воронные волосы, волнами спадавшие на пол, укрывали его почти целиком, оставляя видимым лишь острый подбородок.

Но даже сквозь эту завесу Пэй Чан отчетливо уловил свирепый взгляд — ледяной, полный животной ненависти и настороженности.

Пэй Чан опустил взгляд на тяжелые кандалы, стягивавшие запястья и лодыжки монстра, и проследил за натянутыми цепями, уходившими к стальной хирургической кушетке.

Очевидно, именно этот узник только что заставил железо загреметь.

Пэй Чан высился в проеме, скрытый тенью, но в его глазах разгорался странный, лихорадочный блеск, от которого веяло безумием. Его собственное сердце колотилось так бешено, что удары гулом отзывались в ушах.

Стоило ему сделать шаг вперед, как существо рванулось навстречу, натягивая цепи, и разверзло пасть в яростном шипении. Этот хриплый, утробный звук дышал неприкрытой агрессией, но за ним угадывалось крайнее истощение.

Все сходилось: госпожу Чэнь похоронили три дня назад, а до этого она еще четыре дня провела в больнице. Без еды и воды в душной камерке обычный человек давно бы испустил дух. Даже этот цепной зверь сейчас держался лишь на остатках жизненных сил.

Пэй Чан продолжал наступать, медленно пересекая границу света и тени. Вблизи нечеловеческая природа существа ощущалась особенно остро — от него исходила почти осязаемая, удушливая аура первобытной угрозы.

Сам Пэй Чан обладал безупречным телосложением профессионального манекенщика: широкие плечи, узкая талия, рост под метр девяносто — он никогда не выглядел слабым. Но этот «Восьмифутовый господин» превосходил его самым нелепым образом. Даже сидя на полу, он ухитрялся смотреть Пэй Чану прямо в глаза. В тусклом свете из коридора его тень ложилась на стену огромным, бесформенным холмом, полностью поглощая силуэт хозяина дома.

Впрочем, скованный по рукам и ногам зверь, способный лишь бессильно щелкать зубами, не пугал Пэй Чана. Он шагнул вперед и мертвой хваткой вцепился в подбородок существа, сжав пальцы с такой силой, что кость под ними едва не хрустнула.

В ответ из горла пленника вырвалось свирепое шипение, а цепи со звоном ударились о бетонный пол.

Система 7008 испуганно покосилась на своего подопечного и благоразумно замолкла.

Глаза Пэй Чана горели безумным, пугающим восторгом, отчего темные круги под глазами казались еще глубже.

— И это мой праздничный сюрприз?

Он тихо рассмеялся — сначала сдавленно, а затем все громче и упоеннее.

Система 7008 поежилась от виртуального озноба.

— Хр-р-р... Хр-р-р...

Но Пэй Чан проигнорировал угрозу. Он протянул руку и неторопливо отвел в сторону пряди жестких черных волос, словно разворачивал праздничную обертку.

Система 7008 тихонько сжалась в комок.

Спутанные локоны рассыпались, открывая взору бездонные черные провалы глаз. В них не было зрачков — лишь вязкая, леденящая душу пустота.

Лицо существа обтянула кожа до предела, обнажая острые грани костей. Багровые нити сосудов тянулись от челюсти к самому лбу, сплетаясь в кошмарный узор. От одного взгляда на это порождение бездны обычный человек лишился бы чувств.

Пэй Чан шумно дышал, его пальцы мелко дрожали от дикого, пьянящего возбуждения. Он заставил монстра приоткрыть рот. Увидев ряды острых, как бритвы, клыков, Пэй Чан прищурился и издал хриплый смешок.

— Надо же...

Пленник хрипел, безуспешно пытаясь вырваться. Бешеный лязг цепей походил на предсмертные судороги загнанного в угол зверя. Он яростно скалился, шумно втягивая воздух ноздрями, и на пальцы Пэй Чана закапала вязкая, прозрачная слюна.

«Интересно, насколько они острые?»

Пэй Чан медленно провел подушечкой большого пальца по острию клыка. Кожу мгновенно полоснуло, и наружу выступили крупные рубиновые капли.

Существо задышало чаще. Из пасти вытянулся неестественно длинный, гибкий язык и жадно слизал кровь. От этого влажного, горячего прикосновения Пэй Чан слегка закинул голову и прикрыл глаза.

Разумеется, пара капель крови не могла насытить изнуренного зверя. Напротив, этот вкус лишь раздразнил его спящие инстинкты, пробуждая первобытный голод.

Прислушиваясь к прерывистому хрипу и утробному урчанию, Пэй Чан свободной рукой бесцеремонно залез монстру в пасть, забавляясь с его податливым языком и позволяя жадно слизывать алую влагу с пальцев.

Его взгляд сиял лихорадочным блеском, дыхание перехватывало, а на бледных щеках проступил яркий, нездоровый румянец.

Перед ним сидело порождение кошмаров — ни человек, ни призрак. Смертельно опасное, уродливое, прекрасное в своем безумии. И это зрелище заставляло кровь в жилах Пэй Чана петь от восторга.

Впервые в его серой, удушливо-правильной жизни появилось нечто по-настоящему захватывающее. Если это и было посмертное наследство госпожи Чэнь... что ж, он принимал его с благодарностью. В конце концов, мачеха умерла не совсем бесполезно.

Он тихо усмехнулся.

Ночь уступила место утру. После затяжной череды пасмурных дней небо наконец прояснилось, и город залило непривычно яркое солнце.

Облаченный в безупречно скроенный классический костюм, Пэй Чан выглядел воплощением аристократизма и утонченной элегантности. Среди солидных, изрядно потрепанных жизнью бизнесменов средних лет его юная, хищная красота сразу приковывала к себе внимание.

Церемония открытия нового торгового центра прошла без сучка и задоринки, а последовавший за ней банкет собрал всю местную элиту.

Гости вели светские беседы, обменивались дежурными любезностями, но взгляды присутствующих то и дело возвращались к Пэй Чану — пристальные, изучающие, полные скрытого интереса.

Каждый здесь преследовал свои цели, пытаясь разгадать этого загадочного наследника. Молодой преемник, который годами оставался в тени, а затем одним махом перевернул всю структуру Корпорации Пэй с ног на голову, вызывал у маститых дельцов невольный трепет.

Все знали, что у старейшины Пэй был единственный сын, Господин Пэй. Вот только природа на нем отдохнула: с малых лет тот не проявлял ни малейшего интереса к учебе, а повзрослев, и вовсе пустился во все тяжкие, погрязнув в кутежах, азартных играх и разврате. Проще говоря, опустил на самое дно.

Когда на свет появился долгожданный внук, Пэй Чан, старик взял его воспитание под личный жесткий контроль. Он не спускал с мальчика глаз, лично шлифуя каждое его слово, каждый жест.

Пока отпрыски других влиятельных семейств вовсю кутили на светских раутах, юного наследника держали взаперти в Старом поместье Пэй, обучая манерам и воспитывая в строжайшей аскезе.

Лишь три года назад, когда здоровье старейшины пошатнулось, Пэй Чан впервые прикоснулся к делам семейного бизнеса. Но даже тогда дед продолжал неусыпно контролировать каждый его шаг, не давая ни малейшей свободы.

В светских кругах шептались, что юного наследника заковали в невидимые кандалы с самого рождения. Кое-кто высказывался и вовсе грязно: мол, даже цепному псу порой дают побегать на воле, а за Маленьким молодым господином Пэй следят даже тогда, когда он справляет нужду.

Эти издевательские слухи долгое время служили пищей для сплетен всей праздной толпы

города.

Впрочем, старейшина Пэй лишь отмахивался от этих пересудов. Он неустанно вдабливал внуку:

— Слухи — удел черни. Наследник великой семьи обязан держать лицо. А пустые споры — это лишь бессильная злоба тех, кто не способен на реальные поступки.

И все эти три года Пэй Чан вел себя тише воды, ниже травы. О нем быстро забыли, списав со счетов как безликую тень властного деда.

Но месяц назад старейшина Пэй слег в больницу в критическом состоянии. И тогда этот некогда тихий, покладистый юноша внезапно сбросил маску, явив миру волчий оскал.

Его хирургически точные, безжалостные действия застали местную бизнес-элиту врасплох.

Сегодня он стоял здесь как полноправный глава семьи Пэй и мажоритарный акционер этого гигантского торгового комплекса. И как бы маститые дельцы ни кривились в душе, на лицах их сияли самые доброжелательные улыбки. В конце концов, в бизнесе единственным богом была выгода.

Но всегда найдется глупец, который за годы сытой жизни теряет чутье и перестает понимать, кто в доме хозяин.

— Не ожидал, что наш Сяо Пэй окажется настолько хватким, — раздался раскатистый смех. К нему подошел грузный мужчина средних лет. — Помню, твой дед когда-то делился со мной надеждами на тебя. И старик не прогадал! Ты уж точно пошел не в своего непутевого папашу.

Пэй Чан лениво приподнял веки, окинув подошедшего безучастным взглядом. Рука его с бокалом даже не шелохнулась.

Мужчина замер с протянутым бокалом, его натянутая улыбка мгновенно сползла.

Положение спас подоспевший Менеджер Пэй. Он поспешно вклинился в разговор с дежурным тостом и парой примирительных шуток. Напряжение немного спало, однако былая теплота испарилась — гость заговорил сухо и надменно.

Уходя, он процедил сквозь зубы, наградив Пэй Чана презрительным прищуром:

— Гордость для молодого человека — это, конечно, прекрасно. Жаль только, что границ ты совсем не видишь.

Стоило гостю скрыться в толпе, как лицо менеджера Пэй мгновенно потемнело от злости.

— Пэй Чан! — раздраженно выговорил он. — Я сколько раз повторял: следи за языком и манерами! Зачем на ровном месте плодить врагов? Ты сейчас всего лишь генеральный директор на птичьих правах. До полного контроля над Корпорацией Пэй тебе еще расти и расти, а ты уже...

— И что же? — перебил его Пэй Чан.

Он слегка приподнял уголок тонких губ, но его лицо оставалось ледяной маской. Он смотрел на собеседника сверху вниз с таким безграничным, царственным презрением, словно перед ним было пустое место.

В этом взгляде читалось абсолютное равнодушие ко всему миру.

<http://bllate.org/book/20309/2106057>